

Т.Н. Федуленкова

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС КОМПОНЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

Северодвинский филиал Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова

К 100-летию со дня рождения В.Д. Аракина
К 95-летию со дня рождения А.В. Кунина
Великим Учителям моим посвящаю

На протяжении недолгой истории такой молодой науки, как фразеология, оформившейся около четырех десятилетий назад, не ослабевает дискуссия о природе компонента фразеологической единицы (ФЕ). Теоретическая позиция сторонников несловной трактовки компонентов ФЕ (В.П. Жуков, Э.Х. Ротт, А.И. Молотков и др.) отличается как своей противоречивостью, так и отсутствием достаточно убедительной аргументации в защиту выдвигаемых положений. Анализ различных воззрений сторонников несловной трактовки на характер компонентов ФЕ объединяют следующие исходные положения в исследовании фразеологии:

1. Гиперболизация идеи семантической целостности ФЕ, то есть чрезмерное сближение семантики ФЕ и слова, приписывание фразеологической единице статуса эквивалента слову.

2. Сведение к нулю семантической роли компонентов ФЕ вследствие гипертрофии семантического фактора ФЕ.

3. Изоляция компонентов ФЕ от смысловой структуры слов.

4. Абсолютизация фактов сокращения объема парадигматических и синтагматических отношений компонентов ФЕ.

5. Недооценка структурных характеристик ФЕ как раздельнооформленных единиц.

6. Ограниченное понимание теории устойчивости ФЕ.

7. Сужение границ фразеологии до ФЕ среднего и верхнего порогов устойчивости.

Обратимся к истокам фразеологии и узнаем, что, предостерегая от сведения вопроса о «фразе» целиком к проблеме слова, В.В. Виноградов пишет, что соотносительные и взаимосвязанные компоненты сложного фразеологического целого, выступающего в речевой деятельности как особая семантическая категория, являются элементами словными, которые в живом словесном единстве высказывания объединены «в новом категориальном синтезе». Более того, В.В. Виноградов ставит перед исследователями фразеологии задачу «изучения структуры разных видов значений слова с целью выделения таких категорий словесных значений, которые лежат в основе различных процессов фразеобразования» [1, с. 119].

Отмечая наличие основанной на идиоматичности семантической цельности у фразеологических оборотов, А.И. Смирницкий утверждает, что они имеют «строение свободного, собственно грамматического сочетания слов», то есть компоненты фразеологических единиц рассматриваются как слова, причем достаточным основанием для этого считается совпадение компонентов ФЕ со словами, входящими в свободные словосочетания, хотя бы по оформлению [2, с. 206–207].

Обращая внимание на специфику семантического взаимодействия сочетающихся в фразеологизмах элементов и настаивая на изучении интралингвистических факторов семантического изменения слов в составе ФЕ, Н.Н. Амосова подчеркивает, что новый аспект проблемы переосмысления слов открывается перед исследователями наблюдениями над «формами функционирования фразеологических единиц, над семантическими связями между их компонентами, над случаями вычленения одного из компонентов фразеологической единицы с возникающим в результате такого вычленения сдвигом его семантики под воздействием целостного значения исходного *словесного* комплекса» [3, с. 8] (выделено мною. – Т.Ф.).

Более твердую позицию обнаруживают труды В.Л. Архангельского, который, доказывая, что ФЕ обладает всеми свойствами лингвистического знака и указывая на его асимметричность как единицы глобального десигната, с одной стороны, и раздельно-составного десигнатора, с другой, отмечает: «Фразеологическая единица в качестве интегрантов десигнатора имеет ограниченное число строго определенных слов, каждое из которых вне данной фразеологической единицы также является знаком» [4, с. 25].

«Фразеология – это наука о фразеологических единицах,» – пишет А.В. Кунин, – «т.е. об устойчивых сочетаниях слов с осложненной семантикой» [5, с. 5]. Если автор указывает при этом на факт словности фразеологической единицы, означающий, что она является раздельнооформленным образованием, то этим самым подчеркивается также опосредованность значения ФЕ словами, ее составляющими.

Подвергая анализу вторичные семантические процессы, И.И. Чернышева показывает их связь с

диалектикой фразеобразования, которая, по убеждению автора, и проявляется в том, «что слова-компоненты фразеологической единицы, утрачивающие свое лексическое значение, присущее им в лексико-семантической системе данного языка, и образующие в устойчивом комплексе за счет перераспределения сем новое, фразеологическое, значение, могут в дальнейшем приобрести семантическую отдельность» [6, с. 259–260]. Наблюдаемые тенденции образования семантической отдельности компонентов ФЕ, которые являются результатом закрепления за ними значения всего фразеологического оборота или его части, регулярность приобретения компонентами ФЕ отфразеологического значения являются неоспоримым доказательством их словного характера [7, с. 2].

Современный уровень семантического анализа фразеологии показывает, что, как правило, фразеологическая абстракция бывает неполной [8, с. 18] и, демонстрируя тем самым неспособность слова достичь абсолютной абстракции от самого себя, почти полностью ликвидирует возможность констатации семантической опустошенности компонента фразеологической единицы.

Утверждая, что именно слова служат составными частями фразеологических единиц, Ю.А. Гвоздарев уделяет большое внимание изучению взаимоотношений между компонентами ФЕ с целью показать, как от комбинации различных видов компонентов зависит степень аналитичности/синтетичности ФЕ, наиболее важными при этом считая следующие отношения между составляющими фразеологизмов: а) отношения между компонентами определенной ФЕ; б) отношения между компонентами ФЕ и ее общим значением; в) отношения между компонентами разных фразеологических единиц как в плане выражения, так и в плане содержания; г) отношения между компонентами фразеологических единиц и отдельными словами языка; д) отношения между отдельными фразеологическими единицами, взятыми как определенные фразеологические структуры.

Автор показывает, что элементы, составляющие фразеологические обороты разных типов, ничем особенно не отличаются от обычных слов со свободными значениями в фонетико-акцентологическом плане и сохраняют к тому же некоторые парадигматические формы. Он приходит к выводу, что «даже компоненты неразложимых фразеологических единиц выделены в потоке речи, имеют определенную грамматическую оформленность, поскольку сами фразеологические единицы в своей основе имеют грамматические образцы, действующие или действовавшие в языке» [9, с. 20].

На признании словной природы компонентов фразеологических единиц основаны также иссле-

дования таких специалистов в области фразеологии, как Ю.Ю. Авалиани, А.И. Алехина, С.Б. Берлизон, Ф.А. Литвин, А.Д. Райхштейн и др. Указывая на тот факт, что фразеология как уровень языка не обладает своим особым репертуаром средств, отличных от других уровней, Ю.Ю. Авалиани утверждает, что логико-семантическая основа и коннотативно-стилистическая специфика ФЕ определяются не только валентностью ФЕ в целом по отношению к ее внешнему контексту, а прежде всего особой внутренней валентностью слов-компонентов, составляющих ту или иную ФЕ [10, с. 126].

Присоединяясь к данной точке зрения, С.Б. Берлизон понимает под комбинаторикой компонентов, или внутренней валентностью фразеологической единицы, не только их формальные связи, но и ассоциативно-семантические, застывшие в замкнутом микроконтексте фразеологизма, хотя и не всегда логические связи. Несоответствие плана содержания плану выражения, создающее специфику ФЕ, емкость ее значения и способность обозначать сложнейшие явления действительности, находит свою основу в словном характере компонентов, с одной стороны, и в их функционально-семантическом преобразовании в составе ФЕ, с другой стороны [11, с. 15].

Именно слово, как справедливо утверждает А.И. Алехина, является образующим элементом ФЕ, и именно в нем следует искать природу значения и структуру образования ФЕ: «Взаимоотношения ФЕ и слова в общей системе языка необходимо рассматривать прежде всего через призму характера интралингвистических связей их компонентов, организующих их семантику и структуру» [12, с. 81; 111].

Мнение о том, что компоненты ФЕ теряют основные структурные различия и становятся все «на одно лицо», в корне неверно, поскольку именно их своеобразие как раз и дает возможность структурной классификации фразеологизмов. Именно на собственной языковой форме основано восприятие компонентов фразеологизма как структурно оформленных единиц потока речи: «Тезис об утере компонентами грамматических категорий не может относиться к общим категориям, определяющим класс, к которому относится компонент, независимо от нашего понимания их лексической самостоятельности» [13, с. 159]. Сохранение компонентами ФЕ своих общекатегориальных грамматических значений обоснованно интерпретируется как сохранение ими своих словесных качеств, обуславливающих возможность использования их в трансформациях той модели, по которой построен фразеологизм.

Компоненты фразеологической единицы, несомненно, претерпевают определенные ограниче-

ния как в реализации значений слова, так и в формах словоизменения. Эти ограничения проявляются не только в «потускнении» значений у компонентов ФЕ, в их связанности и поглощенности целостным значением фразеологизма, но и в развитии новых значений у компонентов на базе прежних значений, подвергающихся ослаблению. Если бы компоненты ФЕ были лишены какой бы то ни было семантической содержательности и являлись лишь «фонетическими словами», то образование новых слов на фразеологической основе путем вычленения из состава ФЕ отдельных компонентов было бы невозможным.

Наиболее убедительные доказательства словного характера компонентов фразеологических единиц представляют нам окказиональные авторские употребления ФЕ в тех или иных стилистических и коммуникативно-прагматических целях. Являясь одним из наиболее распространенных приемов окказионального преобразования ФЕ, вклинивание немисливо вне словности составных элементов фразеологизма:

англ. «Hold your *silly* tongue, you conceited humbug.» (B. Shaw, «Back to Methuselah», p. 221);

нем. «Aber was soll ich sagen, der Teufel mochte seine *schwarze* Hand im Spiel haben, es kann keine rechte Stimmung auf.» (B. Brecht, «Geschichten», S. 190);

швед. «Du har lagt din *tunga* hand på de fortryckta, du har trampat på de sårade, du har hanat de elanda!» (A. Strindberg, «Roda rummet», s. 234–235).

Как показывают примеры, вклиниваемые элементы англ. *silly*, нем. *schwarze*, швед. *tunga*, хотя и относятся к субстантивному компоненту ФЕ, но увеличивают информативность всего оборота, придавая ему в рассматриваемых случаях общую негативную эмоциональную окраску, соответственно: англ. – презрение, нем. – опасение, швед. – негодование.

Определяя тот или иной компонент фразеологической единицы, вклинивания могут также усиливать значение ФЕ в целом:

англ. «...and he had to keep a *sharp* eye on his followers...» (W.S. Maugham, «The Explorer», p. 51);

нем. «Wir behalten ihn *natürlich* im Auge, er arbeitet weiter bei uns...» (H. Fallada, «Wer einmal aus dem Blechnapf frißt», S. 148);

швед. «...vid namnandet av “diskonten” spetsade *alla extra ordinarierna* oronen...» (A. Strindberg, «Roda rummet», s. 17–18).

Разрыв фразеологической единицы [14, с. 107] как стилистический прием окказионального использования ФЕ не был бы возможен вне словного характера компонентов ФЕ:

нем. «...da schlagt sie ihm – *plauz!* – die Tur vor der Nase zu.» (W. Bredel, «Dein unbekannter Bruder», S. 169).

Возможность авторского распространения фразеологической единицы различного рода добавлениями также подтверждает мнение о словной природе компонентов ФЕ:

англ. «Oh, my eyes *and limbs*, bring the jacket out!» (Ch. Dickens, «David Copperfield», p. 187);

швед. «Hon ville inte tro sina *ogons vittnesbord.*» (S. Lagerlof, «Anna Svard», s. 224).

Ярким свидетельством словного характера составных элементов фразеологических оборотов является перифраз:

англ. «Soames doggedly let the spring come – no easy task for one conscious that time was flying, *his birds in the bush no nearer the hand*, no issue from the web anywhere visible.» (J. Galsworthy, «In Chancery», p. 213);

нем. «Wehner fuhr in sein Haus am Havelsee. Ihm stiegen doch leise Zweifel auf, ob *die Trumpfe, die er in der Hand hatte*, genugten.» (W. Bredel, «Die Enkel», S. 566).

В первом случае перифраз известной английской пословицы (A bird in the hand is worth two in the bush) используется автором с целью не только показать всю тщетность попыток Сомса приобрести желаемое, но и вызвать сочувствие у читателя к своему герою: даже синицы в руки не получил, не говоря уже о журавле.

Во втором примере перифраз немецкого фразеологического оборота *die Trumpe in der Hand haben*, нацеленный на живописную обрисовку деловых качеств Винера, основан на обособлении слова-компонента *die Trumpe* и противопоставлении его другим словам-компонентам фразеологизма, организованным в данном случае в придаточное определительное предложение.

На словном характере компонентов ФЕ базируется стилистический прием буквализации, или двойной актуализации [15, с. 15] компонентов, освежающих стертую образность фразеологических оборотов:

англ. «So you deal in tallow and wine as well as coals,» said Charles. «*A Jack-of-all-trades.*» «*I've many trades,*» Gotesworth agreed blandly. «But ye may tell your noble brother white roses aren't one of 'em.» (E. Seton-Thompson, «Lobo: The King of Currumpaw and Other Stories», p. 17);

швед. «*Tiden rann henne mellan fingrarna lik soltorkad sand: långsamt, oavlätligt: i dodande enformighet.*» (E. Ahlgren, «Fru Marianne», s. 153).

Разнообразные синтаксические деформации фразеологических оборотов, например, такие, как эллипсис ФЕ, также вскрывают словную природу их компонентов, доказывая тот факт, что редуцированные компоненты представляют собой значащее отсутствие, а не манифестацию их семантической избыточности:

нем. «Paris in unserer Hand! Man kann es kaum fassen!» (W. Bredel, «Die Enkel», S. 340);

швед. «Din hand på att du hjälper mig!» (A. Strindberg, «Master Olof», s. 110).

Одним из существенных аргументов доказательства словности фразеологизма может служить конвергентное использование ФЕ, ведущее к их буквализации [16, с.185].

Всю сложность лингвистического статуса слова во фразеологии неправомерно было бы объяснять лишь явлением десемантизации, или утратой значения, равно как и присваивать ему другие подобные термины (например: *диверсификация* [17, с. 8])¹, поскольку среди фразеологических оборотов нельзя найти такие единицы, которые бы в качестве своих компонентов имели никогда не существовавшие в языке слова, хотя вполне допустимо, что в данный момент мы можем иногда ничего не знать о природе тех или иных компонентов фразеологических единиц, входящих в состав современных языков.

Правильнее, на наш взгляд, было бы говорить не о нечленимости слитного, выражаемого фразеологизмом значения, а о стремлении этого значения к неразложимости на отдельные слагаемые. Вполне своевременным в этом смысле является замечание Д.Н. Шмелева, который пишет: «Можно было бы, по-видимому, не считаться с тем, что фразеологические словосочетания мы интуитивно воспринимаем как именно словосочетания со связанным («опосредствованно мотивированным») значением (можно было бы думать, что интуиция нас обманывает и как раз «отделавшись» от нее, мы подходим к пониманию существа фразеологизмов), если бы не то немаловажное обстоятельство, что, сколь бы ни была затемнена «мотивированность» фразеологизма (мотивированность именно через исходное словосочетание), она никогда не стирается на столько, чтобы последний превратился в полностью «внесловное» образование» [19, с. 26]. Таким образом, автор справедливо отмечает, что дело не доходит до абсолютной несопоставимости компонентов ФЕ с «обычными» словами, поскольку даже архаизмы «отсвечивают для нас отраженным значением целого – именно как определенные формы слов».

В самом деле, фразеологическая единица есть раздельнооформленное образование, и как бы мы ни рассматривали ее составляющие элементы – в качестве слов или несловных структур, – природа их такова, что, соотносясь в парадигматическом ряду с понятием, они в составе ФЕ обладают способностью функционировать именно как слова. Поэтому основу фразеологизации составляет именно слово как ось пересечения его парадигматичес-

ких и синтагматических отношений. Не случайно Е.Д. Поливанов, предсказывая неизбежность возникновения новой лингвистической дисциплины – фразеологии, писал, что эта наука в качестве единицы-максимум будет иметь фразу, а в качестве единицы-минимум – слово и, будучи соизмеримой с синтаксисом, станет изучать «не общие типы, а индивидуальные значения данных конкретных словосочетаний подобно тому, как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями слов» [20, с. 207].

Итак, слово, становясь компонентом фразеологической единицы, не утрачивает своей словесной природы. Оно не растворяется в ФЕ, в этом новом единстве, в которое оно внесло свой существенный вклад, а приобретает двойственную сущность: с одной стороны, слово является интегральной частью структурно и семантически сложного целого, с другой стороны, оно продолжает свою потенциальную до определенных условий семантическую жизнь в рамках этого целого. Это означает, что фразеологическая единица как результат фразеобразования «не порывает со своим прошлым, и в этом смысле ее синхронный аспект не отрывается от диахронного, скорее – наоборот – продолжает питаться им» [21, с. 4]. Интересны в этом смысле результаты эксперимента [22, с. 566], которые показали, что слова в идиоматическом контексте узнаются скорее, чем в неидиоматическом, и что буквальное и фигуральное значения компонентов ФЕ воспринимаются одновременно.

Подтверждение нашей аргументации находим также в современных лингвокультурологических штудиях по фразеологии, где утверждается, что, даже если «фразеологические единицы отражают специфику национальной культуры нерасчлененно, в комплексе, то есть своими идиоматическими значениями», то комплекс этот – словесный [23, с. 9]. Кроме того, наряду с понятием синтаксической парадигмы в лингвистической науке утвердилось понятие фразеопарадигмы, под которым понимается: «... совокупность изменений главенствующего слова (выделено мною. – Т. Ф.) в составе фразеологической единицы» [24, с. 4].

Анализ различных воззрений на характер компонентов фразеологических единиц, а также изучение окказиональных стилистических употреблений ФЕ и тенденций фразеологической деривации [25, с. 14–17] позволяют выделить следующие особенности подхода к исследованию ФЕ, которые объединяют сторонников словной трактовки компонентов:

1. Фразеологическая единица представляет собой составной лингвистический знак, конституен-

¹ Примечательно, что в своей последней монографии, посвященной семантическим, прагматическим и лингвокультурологическим аспектам русской фразеологии, В.Н. Телия приходит к признанию словности компонентов всех типов фразеологических единиц [18, с. 58].

тами которого являются специфически употребленные словесные знаки.

2. Идея семантической неразложимости фразеологической единицы ставится под сомнение: глобальное значение ФЕ в ее идиоматичности опирается на полностью или частично переосмысленное значение ее компонентов.

3. Семантическая цельность фразеологической единицы и ее потенциальная структурно-семантическая членимость рассматриваются как нерасторжимые противоположности диалектического единства.

4. Концепции десемантизации противопоставляется концепция ослабления лексических значений

слов-компонентов, то есть признается наличие фразеологически связанных значений компонентов ФЕ как эксплицитного, так и имплицитного характера.

5. Утверждается относительная самостоятельность компонента ФЕ как занимающего собственное место в схеме денотации.

6. Основу фразеологизации составляет слово как ось пересечения его парадигматических и синтагматических отношений.

7. Признание гетерогенности фразеологических образований основывается на учете различной степени семантической связи компонентов и градации ослабления значения этих компонентов.

Литература

1. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
2. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1956.
3. Амосова Н.Н. Значение фразеологии как особой отрасли языкознания // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967.
4. Архангельский В.Л. Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Мат-лы межвузовского симпозиума. Тула, 1968.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М., Дубна, 1996.
6. Чернышева И.И. Текстобразующие потенции фразеологических единиц (на материале немецкой фразеологии) // Лингвистика текста: Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. 1976. Вып. 103.
7. Fedulenkova T. Lexicalization of Phraseological Units in English // Lexical Creativity as a Feature of Textuality / ESSE 7 Conference: Abstracts of Seminar 15 / Ed. J. Munat & T. Fedulenkova. Zaragoza, 2004.
8. Сумин С.А. Национальное и универсальное в образности фразеологических единиц: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
9. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеологического образования. Ростов н/Д, 1977.
10. Авалиани Ю.Ю. О фразеологических потенциях слова (внутренняя и внешняя валентность фразеологических единиц) // Словообразование и фразеологизация: Тез. докл. науч. конф. М., 1979.
11. Берлизон С.Б. Специфика семантики фразеологических единиц и роль структурных компонентов в ее определении // Семантическая структура слова и фразеологизма. Рязань, 1980.
12. Алехина А.И. Фразеологическая единица и слово: К исследованию фразеологической системы. Минск, 1979.
13. Литвин Ф.А. Отношение слова и компонента фразеологизма к структурно-семантической модели // Вопр. фразеологии V: Тр. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Самарканд, 1972. Вып. 219. Ч. I.
14. Naciscione A.S. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics. Riga, 2001.
15. Болдырева Л.М. Стилистические особенности функционирования фразеологизмов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
16. Халатникова Э.И. Структурно-семантические особенности конвергентных преобразований в английской фразеологии // Проблемы лексической номинации в английском языке. М., 1981.
17. Телия В.Н. Вариантность лексического состава идиом как структурных единиц языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
18. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
19. Шмелев Д.Н. О понятии «фразеологическая связанность» // Иностранные языки в школе. 1970. № 1.
20. Поливанов Е.Д. О фонетических признаках социально-групповых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. Л., 1968.
21. Авалиани Ю.Ю. Сравнительно-сопоставительные аспекты валентности и сочетаемости в разносистемных языках: (К проблеме фразеологического образования) // Вопр. фразеологии XV: Тр. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Самарканд, 1980.
22. Estill R.B., Kemper S. Interpreting Idioms // Journal of psycholinguistic research. New York; London, 1982. Vol. 11. № 6.
23. Вернер А.В. Семантическая и функционально-коммуникативная характеристика фразеологических единиц с культурным компонентом значения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
24. Семенова Н.А. Параметризация глагольных фразеологических единиц в современном русском языке (функционально-синтаксический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
25. Fedulenkova T. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen. Strasbourg, 2003. Vol. 36.